да засуха, На скотину мор. Горбясь, шьет старуха Мертвецу убор....»,— а кончающаяся вселенским обобщением: «Глухо божье ухо, Свод надземный толст, Шьет, кляня, старуха Поминальный холст». Ранний Есенин крепче держится традиционных образцов — (117) «Белая береза Под моим окном Принакрылась снегом, Точно серебром...» (реминисценция из 3-стопного ямба Фета «Печальная береза У моего окна...»), (118) «...Улыбнулась солнцу Сонная земля...», (119) «Край ты мой забытый, Край ты мой родной!»,— но около 1916 г. тоже переходит на новую образность: клюевский зачин (114) «Месяц — рог олений, Тучка — лисий хвост...» стал прямым образцом для есенинского (121) «Тучи — как озера, Месяц — рыжий гусь...». После концовки «Инонии» (1918 г.) (122) «Едет на кобыле Новый к миру Спас» Есенин к 3-стопному хорею не возвращается: расставшись с ранними своими темами и стилем, он расстается и с размером. Но когда Есенин умер, его все тем же 3-стопным хореем оплакал Орешин ((124) «...Что же ты наделал, Синеглазый мой...», (125, 126) «...Смерть за всеми нами Наблюдает счет...»— и преодоление этой скорби (127—128)). Вообще у Орешина семантика этого размера начинает нейтрализоваться широким его употреблением — недаром Архангельский выбрал именно 3-стопный хорей для своей пародии на Орешина (132).

У советских поэтов этот размер решительно выходит из употребления. Все, написанное ими,— это единичные разрозненные пробы в разных направлениях; но и тут характерно, что почти за каждой из таких проб можно обнаружить старую семантическую традицию. Прежде всего, это тема смерти: Асеев пишет этим размером (133) «Годовщину смерти вождя» («Нету слов об этом... Песня, честной будь! По его заветам Направляй свой путь...»), а Инбер (135) — стихотворение о могиле неизвестного солдата («Песнями, цветами Вся отчизна-мать Все не перестанет Сына поминать...»); Багрицкий переводит эту тему в гражданский пафос «Смерти пионерки», а Н. Олейников — в иронический гротеск (впрочем, эти стихотворения отклоняются от строгой рифмовки ЖМЖМ и потому выпадают из нашего обзора); темой смерти окрашены и два сатирических стихотворения в этом размере — (137) «Провокатор» Уткина и (142) «Подлец» Винокурова. Никитинско-суриковское начало неожиданно воспроизводит Межиров (141): «Что-то дует в щели, Холодно в дому. Подошли метели К сердцу моему...». Традиция песни оживает у Исаковского (139) «Ой, цветет калина В поле у ручья. Парня молодого Полюбила я...»; традиция стихов о детях — у Безыменского (136) «...Я Кобзарь Евлаха, Красный коммунист. Наша мамка пряха, Батька машинист...». Темы любви осторожно касаются Голодный (138) «Долго дорогая Смотрит на меня, С книгой засыпая, Не гасит огня...» (трудно не припомнить никитинских прях) и Ваншенкин (143) «Меж бровями складка, Шарфик голубой...». Но ни одна из этих тем сейчас не доминирует, ни один семантический тип 3-стопного хорея не стал массовым: отлив интереса к этому размеру еще не сменился приливом.

Мы рассмотрели свыше 140 стихотворений, написанных 3-стопным хореем с окончаниями ЖМЖМ. Это, конечно, не исчерпывает материала вполне — мы не брали, например, песенных мелочей из опер XVIII в., не брали современных журнальных стихов, еще не отстоявшихся в авторских сборниках,— но уже можно предполагать, что от таких добавлений общая картина не изменится. Цель этого рассмотрения была скромной: показать, что метрическая традиция связана с семантической традицией даже в таких стихотворных формах, где это сразу не бросается в глаза. Думается, что это показано: представленный материал говорит сам за себя.

Три вывода вытекают из этого материала. Первый: между метрикой и тематикой нашего размера существует избирательная связь, недаром половина всех стихотворений укладывается в тематический треугольник